

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Давыдова Игоря Александровича на тему «Трансформация антропологической реальности в мире числовых соотношений», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Диссертационное исследование Давыдова И.А. выполнено на высоком аналитическом и творческом уровне, и, безусловно в своей проблематике коррелирует с вызовами эпохи. Широко представлена степень научной разработанности проблемы, впечатляет охват источников, позволивший автору эксплицировать концепции цифрового мышления не только в современных школах и текстах независимых отечественных и зарубежных исследователей (важным является акцент на К. Швабе), но и в трудах философов XX в., включая Хайдеггера и постструктуралистов. Последние особенно представлены в аналитической части работы.

Объект, предмет и цель представляют собой органичное единство, позволяя в целом оставаться в рамках антропологической проблематики, но обнаруживать точки вторжения дигитального дискурса в мир человеческой реальности. Эти точки коррелируют с задачами исследования, реализация которых позволяет оценить степень научного творчества диссертанта – того, что обогащает пространство науки оригинальными и, как хотелось бы надеяться, соответствующими принципу научной фальсифицируемости авторскими концепциями *homo imaginabundus* и *homo virtualis*.

Научная новизна не вызывает сомнений, поскольку триединство «бытие-воображение-число», предложенное в п. 1. соответствующего раздела, в ходе работы логично связывается с авторским пониманием антропологической катастрофы (п. 2), проходящей через развернутый аппарат философской критики (п. 3), что позволяет обосновано использовать предложенные модели мировоззрения осевого и до-осевого времени (п. 4) и, соответственно, два новых типа понимания виртуальности (п. 5).

Положения, выносимые на защиту, касаются, прежде всего, онтологического статуса человека, проблематизируемого дигитальным дискурсом. Это убедительно артикулируется в Главе I. Автор системно выстраивает понятийную связь делезианства с его концептами ризмы, шизофрении, тела без органов и тд и дигитальности. При этом, углубляясь в специфику понимания постмодерном сознания, диссертант эксплицирует не только особенности, но и генезис этого учения, апеллируя к Ницше, и, что более важно – к рефлексии ницшеанской позиции современными исследованиями, прежде всего – Гиренком Ф.И.. Обоснованным в данном ракурсе является и компаративистский анализ делезианско-гваттарианской системы и воззрений М. Мамардашвили.

Осветив тему безумия в ее связи с ризоматической дигитальностью как принципом цифровой трансформации антропологии в сторону отказа от человеческого через безумие в пользу флуктуационных кодировок телесности, исследование переходит к проблеме аффекта и критики числовой транспарентности человека.

И несмотря на некоторую стилевую неряшливость утверждения: «Сознание – это всё, это, в том числе, трансцендентная реальность, делить и резать его на куски гипотетически можно, но к постижению сознания это не приближает, потому что у человека сознание не только отражает реальность, но и создаёт новое из пустоты. В объектном мире этого нового нет, а интуиции новое дано» (С. 30), - несмотря на излишнюю метафоричность, затрудняющую аналитическое прочтение текста (это касается многих мест диссертации), автор затрагивает очень интересные и глубокие темы, и даже сама эта неряшливость языка диссертанта – свидетельство творческого порыва, прорастания свежей исследовательской мысли и самостоятельного поиска.

Проведение параллелей между некоторыми положениями Д. Харауэй и Розанова, Генона, Топорова и Иванова также кажутся, при всей своей неожиданности, эвристическими. Следует отметить иной раз проступающую парадоксальность манеры нарратива, используемую диссертантом,

позволяющую обнаруживать ранее скрытые связи в различных моделях антропологии.

В целом параграф 1.3. оказывается слегка затянутым, следовало бы сузить анализ проблематики хтонической и соматической онтологии и прояснить ее связи и влияние (взаимовлияние) на дигитальность. Не хватило также более развернутой экспликации любопытного термина «киберфеминизм», которая могла бы послужить новизне исследования. Несмотря на концептуальную и синтаксическую нагруженность предмета анализа, которой тут выступает постмодернистская деконструкция и новая плоская онтология, логика исследования довольно прозрачна, что подчеркивает обращение к идеям Симондона. Умение ориентироваться в сложных кластерах концептов – важная и сильная сторона исследовательских навыков диссертанта. А прослеживаемая на протяжении всей работы связь с отечественной философско-антропологической традицией (Аршинов, Буданов, Гиренок, МЭШ) демонстрирует преемство, развитие и творческое осмысление вполне сложившейся традиции философствования.

Не совсем прослеживается структура общих выводов к Главе I, они не кажутся исчерпывающими. Хотя выводы к параграфам вполне ёмкие и четко сформулированы.

Глава II посвящена анализу антидигитальных концептам Бодрийера, Хоружего, Гиренка и Хайдеггера. Через прояснение смыслов антропологической катастрофы и конца социального автор, как бы подспудно с анализом намечая пути реабилитации человеческой онтологии, обращается к учению о синергии Хоружего, возвращению к самости через понимание дигитальной природы Другого в концепции Гиренка, четверице Хайдеггера, на периферии которой ясно обозначается античное вопрошание о бытии как таковом. Заключение о том, что цивилизация приходит к своему финалу через отождествление мышления и бытия в цифре, альтернативой которому может служить аффективность галлюцинирования, ее принятие в качестве аутентичной антропологической реальности, является далеко идущим

посылом к развитию философских исследований, несомненно ценным в реалиях нашей эпохи, актуальным для научного сообщества, в случае, если оно осмелится хоть что-то противопоставить проекту онтологического суицида и расчеловечивания объектно-ориентированных философских систем, столь модных на западе.

В Главе III произведена реконструкция связи культурно-исторических, языковых истоков и современных дигитальных дискурсов. В параграфе 3.2 автор исследует филологические основания дигитального дискурса на примере дихотомии языковых групп кентум/сатем. Это свидетельствует как о углубленном понимании диссертантом объекта исследования, так и о высокой степени междисциплинарности работы. Параграф 3.3 лишь подтверждает междисциплинарный и метасистемный подход, доказывая, что философия и философская антропология, в частности, интегрирует и обогащает знания различных регионов исследований и творчества – от науки до поэзии.

Несмотря на очевидные достоинства, следует выделить ряд замечаний, исключая те, о которых уже было сказано выше:

Замечания к Главе I.

Неаргументированным кажется утверждение: «Цифра не даёт свободы, слово даёт её больше, но не полностью, и только в воображении человек обретает её» (С. 21) – оно отсылает к спорной метафизике. Не совсем ясно, как мера свободы выражения самости связана с фашизацией, присущей, по Делезу, тексту? И если коммуникация – это «условие тотальной несвободы», то можно ли говорить о принципиальной антикоммуникативной функции свободы? Автор не поясняет этой позиции, что, впрочем, может свидетельствовать как о комплексной нагруженности используемых концептов, так и о вполне рациональном отказе автора от углубления в их суть.

Встречаются чисто прескриптивные высказывания, вроде: «Интенсивность – это тело без органов Делёза и Гваттари» (С. 31). При этом на следующей странице интенсивность отождествлена с аффектом. Может, стоило прояснить, чье это мнение – Массуми или диссертанта?

Некоторые пассажи стилистически близки к художественному тексту, например: «Новый цифровой мир элиминировал высоты и глубины экзистенции прежних эпох, выровняв в эгалитарных шизо-потоках и кодах всё буйство красок сознания и разницу восприятий Прошлого» (С. 18-19). Автор как бы балансирует на грани наукообразности, что может возникать в связи с особым рода суггестией постмодернистских текстов, которые довольно тщательно изучены диссертантом. Как здесь, так и в других местах работы часто встречается написание субстантивов несобственных имен с большой буквы – следовало бы подтвердить оправданность этого или отказаться вовсе.

Желательно также избегать таких конструктов, как «на мой взгляд», «я думаю» (С. 21, 22, 34 124) – научная лексика предполагает множественное число («мы», «наш»).

Замечания к Главе II.

Не совсем понятна позиция автора по отношению к антропологической реальности – так на С. 80 происходит отождествление ее с воображением или аутентичной виртуальностью. Это вопрос принципиальный, и следовало бы посвятить больше времени аргументации.

В параграфе 2.1, где речь идет об антропологической катастрофе практически не упоминаются никакие мыслители, кроме Бодрийера. Наверняка автор подразумевает Мамардашвили, на тексты которого ссылается в других местах, ведь именно ему мы обязаны самим понятием «антропологической катастрофы», но создается впечатление монополии Бодрийера. В целом параграфы содержательно неравномерны – тот, что посвящен Хайдеггеру оказывается в несколько раз больше параграфов о воззрениях Гиренка и Хоружего вместе взятых.

Замечания к Главе III.

Глава несколько непропорциональна, ее объема (около 20 страниц) не хватает для более детального развертывания содержания параграфов. Правда, в этом есть и положительная сторона – автор справляется со сложной задачей передать суть, не уходя в сторону пустых спекуляций. Поэзия как жанр

высокой речи иногда сбивает диссертанта с пути научного языка. «Человечество мучается депрессией, движется в сторону цифрового эскапизма, теряя в этом нечеловечном пути чувства Любви, Мечтательности. Глубокие чувства уже не тревожат сердца пользователей сети интернет, они охладели к глубинным переживаниям» (С. 122). Это пример излишней патетики, который, быть может, украсит будущие эссе и монографии автора, где не потребуются такой стилевой строгости, как в диссертации. Так что остается надеяться, что талант художественного слова, присущий Игорю Александровичу, еще не раз проявится на страницах его будущих книг.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Давыдов Игорь Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:

кандидат философских наук

старший преподаватель кафедры социальной философии Факультета гуманитарных и социальных наук федерального государственного

автономного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

РОМАНОВ

Дмитрий Дмитриевич

Подпись

05 июня 2023

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 434-50-88, e-mail: romanov-dd@rudn.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
09.00.11 – Социальная философия

Адрес места работы:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Тел.: +7 (499) 936-87-87; e-mail: rudn@rudn.ru

Подпись Д.Д. Романова удостоверяю:

Секретарь ученого совета

РУДН

д. и. н, доцент

К. П. Курылев

« ___ » _____ 2023 г.